

УДК 801.73

ОБРАЗЫ ДВОЙНИКОВ В СБОРНИКЕ СТИХОВ СИЛЬВИИ ПЛАТ «АРИЭЛЬ»

© 2015 г.

Е.В. Барина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Н. Новгород

evbarinova@hse.ru

Поступила в редакцию 16.12.2013

Сильвия Плат на протяжении всей жизни обращалась к образам двойников, стремясь отождествить себя и своих близких с другими людьми, а порой и неодушевленными предметами, создавая двойников в жизни и в литературе. В сборник «Ариэль» вошли поздние произведения поэтессы, в которых доминируют настроения трагизма и безысходности, что объясняет характер возникающих в стихотворениях двойников.

Ключевые слова: двойник; амбивалентность; рецепция; зеркало; саморепрезентация; шизофрения; автобиографический подход.

Двойники – один из сквозных типов соотношения образов в мировой литературе. Для Сильвии Плат – американской поэтессы и писательницы, автора нескольких сборников стихотворений, одного романа, а также писем и дневников, представляющих не меньший литературный интерес, – тема двойничества имеет особый, глубоко личный характер. Вся жизнь и творчество поэтессы позволили Карлу Миллеру, посвятившему целую книгу образам двойников в мировой литературе, охарактеризовать поэтессу как «живое воплощение двойственности» [1, р. 318].

Анализируя интерес Сильвии Плат к двойникам, необходимо выделять не только внутренние, психологические, но и объективные, исторические предпосылки подобного внимания. В частности, размышляя о письмах Сильвии Плат, Джанет Малколм отмечает, что двойственная саморепрезентация может рассматриваться как признак не только личного, но и исторического кризиса. Вспоминая свое собственное детство и юность в послевоенной Америке, исследовательница предлагает читать письма Сильвии Плат как историю «страшных, двуличных пятидесятих» [2, р. 16]. Действительно, Плат, как зеркало, отражает все страхи и амбиции Америки Эйзенхауэра. Это и маккартизм с его антикоммунистическими настроениями и политическими репрессиями, бомбоубежища, развитие военно-промышленного комплекса, растущий невроз и эмоциональный гиперболизм. В эту эпоху складывается творческое сознание Плат. На политические коллизии, сказавшиеся на становлении целого ряда поэтов и писателей, накладываются личные взлеты и падения, придавшие произведениям Плат собственный неповторимый колорит. В

зеркале творчества поэтессы реальность раскалывается на тысячи образов, в каждом из которых неизбежно живет сознание их создательницы, каждый из которых так или иначе становится ее отражением, преломлением, двойником. Сознательно или подсознательно Плат играет с существующими архетипами, мифологемами, устоявшимися схемами, фокусируясь при этом на фактах собственной жизни и психической деятельности.

Исследование образов двойников в жизни и творчестве Сильвии Плат вообще и в сборнике «Ариэль» в частности подразумевает работу на стыке различных методов изучения литературы, включая биографический, культурно-исторический, социологический и компаративный методы, метакомпаративистский анализ, а также психологический подход.

Из всех перечисленных подходов необходимо специально остановиться на метакомпаративистике, так как это направление компаративных исследований возникло сравнительно недавно и находится в стадии становления. Данный анализ намечает обширную, но еще недостаточно изученную в отечественном литературоведении проблему творчества Сильвии Плат. Образы двойников, возникающие в жизни, в сознании и в произведениях Сильвии Плат, принадлежат к различным дискурсам: биографическому, политическому, художественному, психологическому, гендерному и т. д. Таким образом, анализ образов двойников у Плат неизбежно носит метакомпаративистский характер, где метакомпаративистика рассматривается как компаративистика дискурсов. Двойники Плат осложняются поиском идентичности самой писательницы. Самый очевидный пример –

неопределенность этнической идентичности, немецкие корни, наложившие глубокий отпечаток на мировосприятие Плат. Пытаясь разобраться с собственной идентичностью, поэтесса постоянно ищет двойников как в реальной жизни, так и в литературных произведениях.

Как для отечественного, так и зарубежного литературоведения характерна определенная фрагментарность, отсутствие системности и четкой типологии при изучении двойников в литературных произведениях, при этом исследований по этой теме довольно много. В данной статье «двойничество» понимается достаточно широко, двойники рассматриваются в тесной связи с биографией писательницы (реальные двойники, внутренние двойники, литературные двойники), психологией (психологические и психопатологические двойники), историей и социологией, неотделимыми от биографии (немецкая тема, отражение мифов эпохи, Плат как двойник, воплощение своего времени). Двойниками у Плат являются персонажи, объединенные на основании, прежде всего, не внешнего, а внутреннего сходства, в основе «союза» которых лежит сущностное подобие или душевное сродство. Иногда Плат пытается преодолеть или отрицать данное сродство, и тогда на страницы ее произведений проникает определенный антагонизм, превращающий двойников в антиподов. При этом, когда речь идет о Сильвии Плат, многие антиподы продолжают оставаться двойниками, сколь сильным ни было бы ее стремление к отделению, остранению (отец, брат, муж, мать). Поэтому речь в данной статье пойдет именно о двойниках. Двойники в произведении важны для понимания авторской концепции личности, истории, семьи, брака, взаимоотношений в системе «родители – дети».

Используя терминологию С.Д. Кржижановского [3], называющего «удвоенных» персонажей *individuum'*ами, а двойника, в котором воплощается грань сознания центрального героя, *dividuum'*ом, можно сделать вывод о преобладании в творчестве Сильвии Плат *dividuum'*ов, так как основным предметом изображения является противоречивая, раздвоенная, не равная самой себе личность и не менее противоречивая реальность. Однако прием удвоения сочетается в творчестве поэтессы с раздвоением. Формами воплощения в системе персонажей внутреннего конфликта в душе героя явились такие разновидности *dividuum'a*, как отражение, искуситель и оборотень. Двойники Плат не всегда вписываются в данную классификацию, однако дальнейший разбор показывает, что из *dividuum'*ов в ее произведениях преобладают как раз отражения. Двойник-отражение в системе персонажей

(хотя применительно к произведениям Плат не всегда приходится говорить о персонаже в традиционном понимании) позволяет наглядно проиллюстрировать, облечь в материю внутренний раскол в душе героя. Будучи чрезвычайно популярными в эпоху романтизма, в XX веке подобные отражения становятся порой все более размытыми, неуловимыми.

Почему Плат проявляла такой интерес к литературным (и не только) двойникам? Самое раннее переживание «двойничества» идет от взаимоотношений с отцом, одним из центральных «реальных двойников» в ее жизни и творчестве. Сильвия видела в нем себя, но одновременно и существо высшее, сильнейшее, превосходящее ее талантом. Она соревнуется с отцом, пытается стать лучше его даже после его смерти. В этом противостоянии большое значение имеет гендерная идентичность Плат, неразрывно пересекающаяся с идентичностью социальной. В 50–60-е годы XX века женщины в Европе и Америке все активнее заявляют о своих правах, отказываясь довольствоваться отведенными им социальными ролями жен и матерей. Впервые женщины начинают претендовать на равноправие с мужчинами. Эта тенденция видна и в отношениях Сильвии с отцом, а позже с мужем.

Изучение писем и дневников Плат наталкивает на мысль еще об одном «реальном» двойнике, удвоении, *individuum'e* – младшем брате Сильвии, рождение которого потрясло ее до глубины души, перевернуло все ее мировосприятие. В своем дневнике Плат упоминает день, когда брат появился на свет, как «ужасный день рождения иного» (*awful birthday of otherness*) [4, p. 23]. Ситуацию еще больше усложнял тот факт, что с самого рождения Уоррен отличался слабым здоровьем, поэтому все в доме вращалось вокруг него. Фигура брата в жизни и сознании Сильвии является одной из самых сложных и противоречивых. По сути, изначально она воспринимает его скорее как антипода, а не двойника. С самого рождения Уоррен представляет собой полную противоположность сестре: он младше, мальчик, к тому же болезненный и слабый, с самых первых дней вызывающий жалость, сострадание и требующий повышенного внимания. Сильвия ревновала родителей к брату и отчаянно его ненавидела, и только годы спустя ее отношение к Уоррену стало теплее. Можно говорить о постепенной трансформации антипода и его перерождении в двойника по мере того, как духовная связь между братом и сестрой с годами крепла.

Интересно, что с самого детства Сильвия сталкивается со своеобразными гендерными «перевертышами» – брат и отец, представляю-

щие мужское начало в семье, оказываются слабыми, «подводят», тогда как необходимость быть сильными и преодолевать все невзгоды ложится на плечи Сильвии и ее матери. При этом, осознавая все их несовершенство, поэтесса постоянно отождествляет себя как с братом, так и с отцом, находя в этом самобичевании своеобразное эстетическое удовлетворение, нашедшее отражение в стихах.

Еще один двойник – муж Сильвии Плат, английский поэт Тед Хьюз, на него Плат часто переносила свое отношение к отцу, перед которым преклонялась и которого ненавидела как собственное отражение. Именно «двойник», существовавший в лице Хьюза, чаще других проникает на страницы сборника «Ариэль», многие стихи которого наполнены чувствами, болью, вызванными разрывом с супругом. Его измену Плат восприняла как предательство, как в детстве сочла предательством смерть отца.

Эти и многие другие моменты биографии Плат повлияли на ее произведения и восприятие чужого творчества. Двойники влекли и завораживали ее еще в ученические годы. Во время обучения в Смит-колледже Сильвия Плат писала эссе, посвященные дуализму в творчестве Томаса Манна и Фридриха Ницше. За дипломное эссе «Волшебное зеркало: двойники в романах Достоевского» (*The Magic Mirror: A Study of the Double in Two of Dostoevski's Novels*) Плат получает стипендию Фулбрайта на обучение в Кембридже, Великобритания, где она и знакомится со своим будущим мужем. В дипломной работе «Волшебное зеркало» Плат обращается к двум произведениям Ф.М. Достоевского – повести «Двойник» и роману «Братья Карамазовы», где в центре ее внимания оказывается Иван Карамазов и связанная с ним тема двойничества. Г. Ламейер предполагает, что, возможно, именно «образ незаконнорожденного брата-двойника (Смердякова) лег в основу поразительного финального образа в...поэме *Daddy*» [5, p. 144]¹.

Часто Сильвии Плат казалось, что в ней самой живет кто-то еще, ее двойник. Самым ранним «двойником» Плат стала Алиса, героиня романов Льюиса Кэрролла. В более зрелом возрасте Плат упоминает об этом ощущении в стихах, письмах, в дневниковых записях. Так, в записи, сделанной в августе 1951 года, Сильвия вспоминает эпизод в доме, где она подрабатывала, присматривая за детьми. После ухода гостей, «сидя за огромным белым столом, уставленным грязными тарелками из-под десерта, <...> вычерпывая на чистые тарелки тающее ванильное мороженое, Сильвия и другая девушка, помогавшая по дому, притворялись Алисой и Белым Кроликом на чаепитии у

Шляпника» [4, p. 84]. В лирике Плат образ Алисы возникает в одном из ранних стихотворений под названием «*A Sorcerer Bids Farewell to Seem*», которое Тед Хьюз, работая над созданием полного собрания стихотворений Плат *Collected Poems*, отнес к незрелым, ученическим и поместил в раздел *Juvenilia*. Волшебный и одновременно безумный мир, мир нонсенсов и перевертышей, созданный Кэрроллом, возникает уже в первых строках стихотворения: «Я закончила с громадой зеркального отеля, // где прилагательные играют в крикет с фламинго-существительными; // полагаю, я отлучусь на время, // сбегу от риторики этих королей в стиле рококо. // Деталь: испортить мишуру королевского реквизита // И распродать с аукциона всех редких белых кроликов – глаголы; // Отправить мою музу Алису паковать вещи, яркие лоскуты // сравнений-грибов и нарядов грифона²...» [6, p. 324] (перевод наш. – Е.Б.).

В стихотворении возникает еще один образ, важный для творчества Плат, – образ слова. Мир Алисы – это одновременно и мир творчества, мир слов, прилагательных, глаголов, существительных, сравнений. Известно, что Плат чрезвычайно серьезно относилась к словам и никогда не садилась за работу без словаря. Саму Алису Плат называет своей музой. Таким образом, в стихотворении С. Плат как бы разводит свою повседневную личность и творческое начало, воплотившееся в Алисе. Происходит раздвоение лирической героини.

Гордон Лэмейер (*Gordon Lameyer*), с которым Плат встречалась и вела переписку во время учебы в Смит, вспоминает, как, извиняясь за то, что практически все свое время она проводит за книгами и работой над эссе и дипломом, Сильвия обещала «в конце концов появиться, как Алиса в Стране чудес, пройдя через свое волшебное зеркало и превратившись в королеву лета, преклоняющуюся перед солнцем» [7, p. 39].

В поиске двойников, являющихся как ее продолжением, так и зачастую противоположностями, антиподами, Плат не ограничивается миром литературы или семейным кругом (ниже мы еще вернемся к цепочке Сильвия – отец – муж). Иногда двойниками становятся друзья, которых, надо отметить, у Плат было не так уж много. Так, во время обучения в Смит-колледже важное место в ее жизни заняла Марсия Браун, которую, по мнению Э. Бутчера, «Сильвия с самого начала приняла как положительного двойника, или *alter ego*» [8, p. 11]. Аналогичная ситуация представлена в романе «Под стеклянным колпаком» во взаимоотношениях между Эстер Гринвуд (*Greenwood*)³ и уже упоминавшейся выше Дорин, с той лишь разницей, что

Дорин не всегда можно назвать «positive double», порой в ней проскальзывают черты Эдварда Хайда из повести Стивенсона.

Материальное воплощение чувство собственной раздвоенности находит в создании литературного псевдонима Виктория Лукас, под которым она впервые публикует роман «Под стеклянным колпаком». Плат, не уверенная в значимости своего произведения, создает двойника автора. В этом случае мы наблюдаем все тот же ход, уже рассмотренный на примере стихотворения *A Sorcerer Bids Farewell to Seem*. Творческая личность Плат становится самостоятельной и даже наделяется собственным именем. Как подчеркивает Стивен Аксельрод, «она имела обыкновение представлять себя двойным существом, состоявшим из фальшивого внешнего, находившегося в постоянном противостоянии с истинным внутренним» [9, р. 198]. Биографический и художественный дискурсы жизни Сильвии Плат стремятся отделиться друг от друга, обрести самостоятельность.

Многосторонне и интересно раскрывается тема двойничества в сборнике стихов «Ариэль». Несмотря на то что сборник вышел в свет посмертно, многие исследователи считают его центральным в творчестве поэтессы, кульминацией ее поэтического таланта. Сборник был опубликован в 1965 году, два года спустя после самоубийства Плат, под редакцией Теда Хьюза, при этом Хьюз исключил некоторые произведения, изначально входившие в сборник, и дополнил его другими, написанными позже. Подобное вольное обращение с наследием Плат не раз вызывало критику как исследователей, так и просто почитателей творчества Сильвии Плат. Сборник с самого начала привлекал пристальное внимание. Дело в том, что именно рукопись «Ариэля» лежала на столе С. Плат в момент ее самоубийства. Данное обстоятельство поставило под угрозу художественную ценность стихотворений, которую на время действительно затмил ажиотаж вокруг гибели поэтессы. Однако со временем справедливость была восстановлена, как был восстановлен и сборник в первоначальной редакции Сильвии Плат. В 2004 году при содействии дочери Плат Фриды Хьюз был опубликован восстановленный, первоначальный вариант «Ариэля». Именно стихотворения, вошедшие в эту редакцию сборника, рассматриваются в настоящей статье.

Как уже подчеркивалось в настоящей статье, тема двойников давно интересовала Плат. При написании дипломной работы, посвященной двойникам у Достоевского, поэтесса изучила значительный пласт литературы. Она прочла такие произведения, как «Вильям Вильсон» Эдга-

ра По, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, «Мосье де Зеркалье» Натаниэля Готорна, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Стивенсона и др. Однако Плат не ограничилась произведениями художественной литературы. Со свойственной ей обстоятельностью она принимается за изучение трудов по медицине, психологии и даже религии. Среди наиболее значимых стоит отметить главу 18 «Опасности, угрожающие душе» в книге Джеймса Фрезера «Золотая ветвь», *The Double as Immortal Self* Отто Рэнка, а также комментарии Фрейда по поводу природы раздвоения личности в «Странном» (*Das Unheimliche*). По мнению Стивена Аксельрода, «Фрезер снабжал Плат примерами раздвоения, тогда как Рэнк и Фрейд предлагали концептуальную модель, куда эти примеры можно поместить» [9, р. 204] (перевод наш. – Е.Б.).

Тема двойничества раскрывается в нескольких стихотворениях сборника через образы зеркала, отражения, эхо и т. д. Эдвард Бутчер подчеркивает, что «зеркала заполняют мир Плат, эти символы шизофренического восприятия и расколотой реальности» [8, р. 27]. При этом исследователь стремится к упрощению природы двойничества у Плат, объясняя появление двойников расстройством психики, оставляя без внимания культурную и литературную традицию, составляющую неотъемлемую часть творческого сознания поэтессы. Скорее, источник образов отражения и тени следует искать у Фрезера в его знаменитом труде «Золотая ветвь». Так, в главе 18 «Опасности, угрожающие душе» (раздел «Душа как тень или отражение») автор пишет: «Часто он [дикарь] видит свою душу или другую важную часть своего существа – в тени или в отражении, которые с необходимостью становятся для него источниками опасности. Ведь если тень растоптали, ударили или укололи, наносится ущерб личности ее владельца, а если ее отделили от него вовсе (в возможность чего он верит), человек умирает» [10, с. 184].

Образы зеркала и отражения возникают уже в первом стихотворении сборника «Ариэль» – «Утренняя песнь» (*Morning Song*, 1961): «I'm no more your mother// Than the cloud that distils a mirror to reflect its own slow// Effacement at the wind's hand» [11, р. 5]⁴.

Интересно, что облако в стихотворении само порождает зеркало, которое «капает» из него, чтобы породить его же отражение, разрушаемое ветром. Так и поэтесса обнажает свою душу, свою боль, отражая их в стихах. Именно стихи оказываются носителями души, «двойниками», и если их, пользуясь словами Фрезера, «растоп-

тали, ударили или укололи... человек умирает». Подобные размышления представляются справедливыми, когда речь идет о поэте настолько исповедальном, как Сильвия Плат, некоторые стихи которой имели столь личный характер, что Тед Хьюз исключил их из сборника. Действительно, при исследовании творчества Сильвии Плат невозможно полностью отказаться от биографического подхода, какие бы опасности он ни таил. В предисловии к сборнику трудов о жизни и творчестве С. Плат Э. Бутчер пишет: «Жизнь поэта и искусства никогда ранее не представлялись столь тесно переплетенными, за исключением, возможно, кошмаров Эдгара По» [8, р. VII].

В стихотворении «Утренняя песнь» возникает еще один потенциальный двойник лирической героини – статуя, бездушный объект, вещь. Тело, лишившись души, превращается лишь в оболочку, статую. Тема овеществления возникает и в других стихотворениях сборника – в *Getting There (a letter in a slot)*, *The Bee Meeting (milkweed silk)* и т. д. Исследовательница творчества Сильвии Плат Эйлин Аирд приходит к выводу, что стихотворения в сборнике «Ариэль» «с все растущей уверенностью движутся к полному отречению от личности, отражая стремление сбежать от конфликтов и страхов через потерю способности их испытывать» [12, р. 72].

Как и в первом стихотворении, в последующих произведениях, вошедших в сборник, отражение, зеркальная гладь не могут оставаться спокойными и безоблачными. В стихотворении *The Couriers* перед читателем открывается «A disturbance in mirrors» («беспокойство в зеркалах»); в *The Courage of Shutting-Up*, стихотворении, написанном 2 октября 1962 года, страх, опасность становятся еще очевиднее: «But how about the eyes, the eyes, the eyes?// Mirrors can kill and talk, they are terrible rooms// In which a torture goes on one can only watch.// The face that lived in this mirror is the face of a dead man» [11, р. 45–46]⁵.

В стихотворении возникает образ глаз-зеркал, а ведь во многих культурах именно глаза являются зеркалом, отражением души. Лирическая героиня чувствует, что ее «двойник», ее душа мертва.

Потеря собственной личности, превращение в тень, отражение находит продолжение в стихотворении *Tulips* («Тюльпаны»), где присутствие этих ярких цветов в больничной палате заставляют пациентку заглянуть в глубь самой себя, где она не находит ничего, кроме пустоты. При этом происходит раздвоение лирической героини, которая обретает способность смотреть на себя со стороны: «And I see myself, flat, ridiculous, a cut-paper shadow// Between the eye of

the sun and the eyes of the tulips, // And I have no face, I have wanted to efface myself...» [11, р. 19].

Двойник лирической героини подобен персонажу театра теней – это лишь силуэт, лишенный лица, личности. Вспоминается «тьень» как средоточие бессознательного у К.Г. Юнга. Общность стихотворения, как и многих других произведений Плат, объясняется внешними причинами, повлиявшими на мироощущение поэтессы. Стихотворение «Тюльпаны» Плат пишет после операции по удалению аппендицита. Незадолго до этого Плат потеряла своего второго ребенка: у нее случился выкидыш. Эти события усугубили внутренний конфликт, усилили ощущение пустоты и собственной нереализованности, бесплодности, как бесплодна тень.

В одном из центральных стихотворений как в сборнике «Ариэль», так и в творчестве Плат вообще – *Daddy* (в русском переводе В. Бетакти стихотворение называется «Папка») возникает пара двойников «отец–муж». Эти два человека, оказавшие самое непосредственное влияние не только на становление, но и на разрушение личности Плат, часто отождествляются в сознании поэтессы. Плат старается сбежать от памяти об отце, заместив его в своем сердце образом мужа. Эйлин Аирд, размышляя о стихотворении *Daddy*, пишет: «Впервые она (Сильвия Плат) попыталась разрушить память об отце через самоубийство, однако затем она нашла возможность бегства через брак с человеком, обладавшим многими чертами отца» [12, р. 80]. В стихотворении есть такие строки: «And then I knew what to do.// I made a model of you.// A man in black with a Meinkampf look// And a love of the rack and the screw.// And I said I do, I do» [11, р. 75].⁶

В этом стихотворении образы двойников неразрывно связаны с темой Германии, фашизма, также не раз возникающих у Плат и сыгравших важную роль в становлении мировоззрения поэтессы. С Германией Плат связывают кровные узы в буквальном смысле этого слова. Ее отец, Отто Эмиль Плат, переехал в Соединенные Штаты в возрасте 15 лет из Грабова, городка, расположенного в восточной части Германии, известной в то время как Польский коридор. Плат никогда не забывала о своих немецких корнях, что заставило ее так глубоко и лично переживать опыт Второй мировой войны и ее последствия. Таким образом, Германия для Сильвии Плат не имеет однозначного статуса. Она находится на границе между «своим» и «чужим» как в сознании, так и в творчестве поэтессы.

Существуют свидетельства современников Плат о том, что поэтесса сознательно искала для замужества человека, имеющего много общего с ее отцом. Изучив письма из Кембриджа

и лично побеседовав с людьми из окружения Плат, в частности, с ее близкой подругой Марсией Браун и Джейн Копп, с которой Плат вместе училась в Кембридже, Э. Бутчер приходит к выводу, что «Сильвия с отчаянием и страхом искала идеального партнера, исполнившись решимости выйти замуж за человека, напоминавшего ее покойного отца, которого она могла бы одновременно любить и интеллектом которого восхищаться, собрата-художника, талант которого должен был быть равным, если не превосходить ее собственный» [8, р. 13] (перевод наш. – Е.Б.). Очевидно, что С. Плат была одержима этой идеей и ранее, отклоняя одну за другой кандидатуры своих довольно многочисленных поклонников. Гордон Ламейер вспоминает, что после разрыва с Плат ему в голову пришла мысль, что «Сильвия искала кого-то, кто заменил бы ей отца, которого она потеряла в детстве. Подойдя ко мне ближе – как позже к другим – она отвергла данного поклонника как недостаточно богоподобного, чтобы одновременно быть и отцом, и любовником» [7, р. 41].

Г. Ламейер также предлагает интересную интерпретацию стихотворения *Daddy* с точки зрения образов двойников: «Я также полагаю, что в ее пресловутом стихотворении «Папка», вошедшем в сборник «Ариэль», мы слышим голос темного двойника Плат, нежелающего примириться со смертью отца и последующей потерей любви» [5, р. 143].

Один из центральных образов сборника – луна. Образ этот вызывает самые противоречивые трактовки, в том числе исследователи рассматривают луну как двойника, двойника самой поэтессы и не только. Сьюзан Ван Дайн (Susan R. Van Dyne) видит в образе луны отражение матери С. Плат. Рассуждая о стихотворениях *Elm* и *The Moon and the Yew Tree*, исследовательница полагает, что в них Плат представляет луну «своей музой и приемной матерью» [13, р. 175]. При этом луна представлена своеобразным антиподом родной матери Плат. Она настолько же отрешена и безразлична, насколько Аурелия Плат всегда была одержима заботой о детях. В *The Moon and the Yew Tree* лирическая героиня восклицает: «The moon is my mother» («Луна – моя мать»). Однако она не видит ничего, что происходит с ее дочерью: «The moon sees nothing of this. She is bald and wild»⁷ [11, р. 64]. Кажется, что в этих строках звучит упрек Аурелии, которая подавляла дочь заботой и опекой.

В сборник входят три стихотворения, которые исследователи Плат причисляют к так называемой «bee sequence» («Пчелиной серии»). Одно из них – *The Bee Meeting* – представляет

собой пространственный монолог, поводом для которого стало собрание деревенских жителей. Они совершают традиционный обряд: окуривают ульи, чтобы забрать мед, а также отсаживают в другой улей молодых пчел, чтобы они не убили старую пчеломатку. Девушка под руководством английских крестьян проходит своеобразную церемонию инициации, посвящения. В образах стихотворения постоянно возникает противопоставление жизни и смерти.

Однако, по мнению Мэри Броу (Mary Broe), сам случай, описанный в стихотворении, не так уж важен по сравнению с «фокусом на эмоциональном состоянии лирической героини и ее подразумеваемом отождествлении себя с пчеломаткой»⁸ [14, р. 146]. И вновь тема двойничества неразрывно переплетается с темой конечности бытия, смерти. В этом году пчеломатка спасена, но на следующий год она обречена.

Реальная сила заключается, как ни парадоксально, в бессильном неведении героини о том, где и когда происходит событие, куда все движется, неведении обо всех физических и метафизических параметрах церемонии: «Кто эти люди, с которыми я встречаюсь на мосту?...// Почему никто не сказал мне, что тут...» [15, с. 203]. Лирическая героиня, подобно пчеломатке, не понимает, что происходит, но инстинкт заставляет ее затаиться, не выдавать себя ни единым движением. Сама пчеломатка в стихотворении не обнаруживает свое присутствие на протяжении всей процедуры. Неподвижность героини – ее единственный ответ «этим чересчур веселым вуайеристам – пастору, акушерке и церковному сторожу, которые просто наблюдают за происходящим, ритуально похлопывая друг друга по плечу в знак одобрения» [14, р. 147]. Лирическая героиня стихотворения замирает, словно переживая вместе с пчеломаткой бессилие, обреченность, ужас перед неизвестностью и неизбежностью, отождествляя себя с королевой пчелиного улья, ощущая себя ее двойником.

Часто в исследованиях, посвященных творчеству Сильвии Плат, встречаются попытки, на мой взгляд, упростить образ поэтессы, свести ее переживания к медицинскому диагнозу. Так, опираясь на ключевые символы поэзии Плат, Дэвид Холбрук приходит к выводу, что Плат является типичным примером шизоидной личности, переживая характерные для подобного психологического типа проблемы, среди которых ощущение нахождения вне физического тела и чувство превращения в камень. В частности, он утверждает, что «сюрреалистические образы, возникающие в ее [Плат] стихах, отражают то, что находится под поверхностью, при-

надлежит ее внутренней психической реальности» [16, р. 30]. Несомненно, что поэт зачастую живет более богатой внутренней, чем внешней жизнью, однако стремление свести переживания поэта к проблемам психиатрии приводит к упрощенному взгляду на внутренний мир творческой личности. Возможно, это один из подходов к анализу поэзии, но подход далеко не исчерпывающий и односторонний.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что образы двойников и непосредственно связанные с ними отражения, отзвуки, тени и эхо являются ключевыми в творчестве Плат как в прозе, так и в лирике. Несомненно, одним из главных учителей Плат в этой области является Ф.М. Достоевский. Именно «Двойник» и «Братья Карамазовы» впервые натолкнули С. Плат на мысль обратиться к этой проблеме, а постепенно и спроецировать ее на себя и свой внутренний мир. Однако, несмотря на многочисленные литературные влияния, двойники в сознании и произведениях Плат являются глубоко оригинальными, сложными и амбивалентными, как и ее собственное сознание. Даже уход поэтессы из жизни стал своеобразным подтверждением ее мироощущения, отразившегося в литературе. Что такое самоубийство, как не разрушение одной составляющей личности своей другой половиной. В сборник «Ариэль», который многие исследователи считают кульминацией творчества Плат, вошли поздние произведения поэтессы, написанные в сложный период крушения надежд на семейное счастье и женскую реализованность. Страдая от собственной раздвоенности, ставшей во многом симптоматичной для эпохи 50-х, Плат порой пытается обрести идентичность, отождествляя себя с окружающими. Произведения Плат аккумулируют в себе несколько различных дискурсов, являясь не только объектами литературного исследования, но и представляя интерес с точки зрения истории, психологии, не говоря уже о визуальных искусствах, присутствие которых в творчестве Сильвии Плат может стать темой отдельного исследования. Недаром в зарубежном литературоведении сложилось устойчивое восприятие Сильвии Плат не только как явления литературы, но и культуры.

Примечания

1. Ламейер имеет в виду следующие строки: «There's a stake in your fat black heart// And the villagers never liked you.// They are dancing and stamping on you.// They always *knew* it was you.// Daddy, daddy, you bastard, I'm through [11; р. 75]. В. Бетаки так переводит финал стихотворения: «В твое черное сердце я кол во-

бую!// Никто в деревне тебя не любил,// Вот пляшут и топчут могилу твою,// Все знали, что ты вурдалаком был!// Папка, папка, выродок,// Кончено...» [15, с. 216].

2. Данное стихотворение не вошло в сборник «Собрание стихотворений», вышедший в свет на русском языке в серии «Литературные памятники» в 2005 году. В оригинале стихотворение звучит следующим образом: «I'm through with this grand looking-glass hotel// where adjectives play croquet with flamingo nouns;// me-thinks I shall absent me for a while// from rhetoric of these rococo queens.// Item: chuck out royal rigmarole of props// and auction off each rare white-rabbit verb;// send my muse Alice packing with gaudy scraps// of mushroom simile and gryphon garb» [6, р. 324].

3. Любопытно, что бабушку Сильвии по материнской линии звали Аурелия Гранвуд Шобер (Aurelia Greenwood Schober).

4. «... И я не более твоя мать,// Чем отражение в зеркале ночном// Облачка, медленно исчезающего в руках ветров...» [15, с. 150] (пер. В. Бетаки). В переводе стихов Плат на русский язык акценты смещаются, некоторые образы уходят, тогда как другие привносятся переводчиком. Все эти трансформации, а порой и потери неизбежны при переводе поэзии, поэтому русский перевод стихов в статье носит справочный характер, тогда как анализ строится только на оригинальных текстах.

5. «Да – а как насчет глаз, глаз, глаз?// Зеркал этих, умеющих сразу и убивать, и болтать?// Это – жуткие// Камеры пыток.// И можно хоть целый час// Вглядываться, – но лицо, живущее на дне глаз,// Это лицо мертвеца...» [15, с. 202].

6. «... И в яму ту...// Но меня вытащили из мешка.// Собрали, как говорят, на клею,// И я только тогда поняла, что// Теперь я сде-ла-ю:// Найду// Мужчину в черном,// Такого, как в Mein Kampf,// Копию живую твою «Луна и тис», строка эта теряет свой накал, напряжение, выраженное в интенсивности фонетического ряда. У Бетаки мы читаем: «Луна сюда не глядит,// Пустынная в пустоте» [15, с. 168]. В русском переводе теряется эпитет «wild», передающий дикий, необузданный характер луны в тексте оригинала.

Английский термин queen (королева) гораздо более поэтичен.

Список литературы

1. Miller K. Who Is Sylvia? // Miller, K. Doubles: Studies in Literary History. Oxford; New York, 1987. P. 318–328.
2. Malcolm J. The Silent Woman: Sylvia Plath & Ted Hughes. New York: Alfred Knopf, 1994. 207 p.
3. Кржижановский С. Д. Философема о театре; Комедиография Шекспира // Собрание сочинений: В 5 т. СПб., 2006. Т. 4. С. 73–77.
4. Plath S. The Journals (1950 – 1962) / Ed. by Karen V. Kukil. London: Faber and Faber, 2000. 732 p.
5. Lameyer G. The Double in Sylvia Plath's *The Bell Jar* // Sylvia Plath: The Woman and the Work / Ed. by E. Butcher. London, 1979. P. 143–165.
6. Plath S. Collected Poems / Ed. by Ted Hughes. London: Faber and Faber, 1981. 351 p.
7. Lameyer G. Sylvia at Smith // Sylvia Plath: The Woman and the Work / Ed. by E. Butcher. London, 1979. P. 32–41.

8. Sylvia Plath: *The Woman and the ork* / Ed. by Butcher E. London: Peter Owen, 1979. 242 p.
9. Axelrod S.G. *Sylvia Plath: The Wound and the Cure of Words*. London: The Johns Hopkins University Press, 1990. 258 p.
10. Фрезер Д.Д. *Золотая ветвь*. М.: Изд-во полит. лит., 1984. 703 с.
11. Plath S. *Ariel*. The restored edition. A facsimile of Plath's manuscript, reinstating her original selection and arrangement / Foreword by Frida Hughes. London: Faber and Faber, 2004. 201 p.
12. Aird E.M. *Sylvia Plath*. Edinburgh: Oliver & Boyd, 1973. 114 p.
13. Van Dyne S.R. *Revising Life: Sylvia Plath's Ariel Poems*. Wilmington: The University Of North Carolina Press, 1993. 206 p.
14. Broe M.L. *Protean Poetic. The Poetry of Sylvia Plath*. Columbia and London: University of Missouri Press, 1980. 226 p.
15. Плаг С. *Собрание стихотворений* / Под ред. Теда Хьюза. М.: Наука, 2008. 436 с.
16. Holbrook D. *Plath: Poetry and Existence*. London: Athlone Press, 1988. 308 p.

IMAGES OF DOUBLES IN THE COLLECTION OF POEMS BY SYLVIA PLATH «ARIEL»

E.V. Barinova

Throughout her life Sylvia Plath dealt with images of doubles, seeking to identify herself and those surrounding her with other people and sometimes even with inanimate objects, creating doubles both in life and in literature. «Ariel» contains her later poems, full of pain and despair, which explains the character of the doubles created in the poems, dominated by cold and death.

Keywords: double, ambivalence, reception, mirror, self-representation, schizophrenia, autobiographical approach.

References

1. Miller K. *Who Is Sylvia?* // Miller, K. *Doubles: Studies in Literary History*. Oxford; New York, 1987. P. 318–328.
2. Malcolm J. *The Silent Woman: Sylvia Plath & Ted Hughes*. New York: Alfred Knopf, 1994. 207 p.
3. Krzhizhanovskij S. D. *Filosofema o teatre; Komediografiya Shekspira* // *Sobranie sochinenij: V 5 t. SPb.*, 2006. T. 4. S. 73–77.
4. Plath S. *The Journals (1950 – 1962)* / Ed. by Karen V. Kukil. London: Faber and Faber, 2000. 732 p.
5. Lameyer G. *The Double in Sylvia Plath's The Bell Jar* // *Sylvia Plath: The Woman and the Work* / Ed. by E. Butcher. London, 1979. P. 143–165.
6. Plath S. *Collected Poems* / Ed. by Ted Hughes. London: Faber and Faber, 1981. 351 p.
7. Lameyer G. *Sylvia at Smith* // *Sylvia Plath: The Woman and the Work* / Ed. by E. Butcher. London, 1979. P. 32–41.
8. Sylvia Plath: *The Woman and the ork* / Ed. by Butcher E. London: Peter Owen, 1979. 242 p.
9. Axelrod S.G. *Sylvia Plath: The Wound and the Cure of Words*. London: The Johns Hopkins University Press, 1990. 258 p.
10. Frezer D.D. *Zolotaya vetv'*. М.: Izd-vo polit. lit., 1984. 703 с.
11. Plath S. *Ariel*. The restored edition. A facsimile of Plath's manuscript, reinstating her original selection and arrangement / Foreword by Frida Hughes. London: Faber and Faber, 2004. 201 p.
12. Aird E.M. *Sylvia Plath*. Edinburgh: Oliver & Boyd, 1973. 114 p.
13. Van Dyne S.R. *Revising Life: Sylvia Plath's Ariel Poems*. Wilmington: The University Of North Carolina Press, 1993. 206 p.
14. Broe M.L. *Protean Poetic. The Poetry of Sylvia Plath*. Columbia and London: University of Missouri Press, 1980. 226 p.
15. Plat S. *Sobranie stihotvorenij* / Pod red. Teda H'yuzha. М.: Nauka, 2008. 436 с.
16. Holbrook D. *Plath: Poetry and Existence*. London: Athlone Press, 1988. 308 p.